

БРАТСТВО отмеченных БОЛЬЮ

Памяти Альбера Швейцера
(1875 – 1965)

Аннотация: Статья написана в стиле очерка и посвящена жизни и служению Альберта Швейцера. Для автора, Швейцер является не только великим ученым, талантливым музыкантом, необычным философом, неформальным теологом, милосердным доктором, «тринадцатым апостолом» и Нобелевским лауреатом. Альберт Швейцер предстает перед читателем, как человек не от нашей суеты, не от нашего мира. Он из «братства отмеченных болью». Сильной болью за всех страдающих, отверженных и забытых. Двигаясь по страницам бескорыстной жизни и служения Альберта Швейцера, автор/священник проводит параллели с современным состоянием христианства. Дождь пробуждения оросил его засохшую душу, сильный небесный дождь! «Весь мир должен пробудиться и измениться от свидетельства/жизни Старого Доктора» – считает автор. И призывает читателей присоединиться к священному «братству отмеченных болью».

Ключевые слова: Альберт Швейцер, христианская этика, христианское служение, благоговение перед жизнью, братство.

Иван Лещук - пресвитер, кандидат технических наук. Автор книг "Экология духа", "Лабиринты духовности", "Исповедь". Один из авторов статей "Славянского Библейского Комментария". Ведущий радиопрограмм "Грани жизни", "Семья и школа", "Душевное здоровье". Специалист по работе с родителями (школа Community Outreach Academy) и психическому здоровью (Slavic Assistance Center). США.

“Это было совсем недавно. В Черной Африке, в самом сердце джунглей, умер старый доктор. Он был очень стар и умер от старости и усталости, умер тихо, как уснул. Как опадают листья, как умели умирать его пациенты, африканцы. Он очень устал. Больше полсотни лет назад он приехал в душные, нестерпимо жаркие джунгли Габона лечить народ... И вот он умер. На площадке, выжженной солнцем, под его окнами сидели на земле африканцы и белые. Ритмично пели габонцы. И тамтамы стучали по деревьям, возвещая смерть Великого Белого Доктора. И мигали костры в ночи. И сколько стариков подумало в эту ночь о нем и о себе, ворочаясь без сна на голой земле: “Он умер, бедный старик, а кто вылечит мои язвы?” Умер Старый Доктор из джунглей. Прокаженные сколотили грубый гроб без крышки и накрыли Доктора пальмовыми ветвями. Черные и белые руки понесли его к могиле. И белые сестры запели “Ah, bleib mit deiner Gnade”, старый гимн, который он так любил, который пели еще дома его отец-пастор, и его дед-пастор, и все виноградари Мюнстерской долины. Детишки из деревни прокаженных стройно запели по-своему, и плакальщики заголосили на галоа: “Леани инина кенде кенде”. Многие говорили в тот день те же пять слов, на галоа и пахуан, на французском и немецком языках, на голландском, чешском или английском – “Он был, как отец нам”. И человек из правительства прилетел от самого президента. Он сказал, что умер самый старый и знаменитый габонец. Может быть, даже более знаменитый, чем сам президент” (Борис Носик, “Альберт Швейцер”).

Священник двигался по страницам жизни Альберта Швейцера. Человека не от нашей суеты, не от нашей самости. Из “братства отмеченных болью”. Сильной болью за всех страдающих. Непохожий на мир пилигрим духа открывался его сердечному взору. Невыразимая тайна бескорыстного служения Швейцера – воскрешала, пленяла сознание. Он прикасался к святыням жизни. Дух приближался к великому “братству отмеченных болью”. Слезный туман омывал давно запыленную душу. Душа причащалась к Вечному, устремлялась к Смыслу. Суета, маета и морок – исчезали в прошлом. Никакого томления духа, и никакого сомнения. Вместе с Великим Доктором священник начинал жить в девственном лесу экваториальной Африки – “между водой и девственным лесом”. Подвижническое/ревностное служение и чаяния Старого Доктора – заряжали и просветляли. Альберт Швейцер – сколько света, любви, сострадания и боли в его чистых глазах! И сколько благоговения перед жизнью, перед всякой жизнью! И сколько боли! И сколько боли за всех страдающих!

“Благоговение перед жизнью” – в этом весь Швейцер. В этих кратких словах – весь смысл его светлой жизни.

“Благоговение перед жизнью” –
в этом весь Швейцер.

от нашей суеты, не от нашего мира! Он из “братства отмеченных болью”. Сильной болью за всех страдающих. Так думал священник, двигаясь по страницам жизни Альберта Швейцера. Человека не от нашей суеты, не от нашей самости.

Малыш Альберт родился физически немощным/слабеньким и неказистым, “с жёлтым личиком”. Внешний вид младенца вызывал искреннее сожаление у окружающих. “Посмотрите, какой у меня ребеночек!” – восторженный голос матери утонул в страшном молчании жен пасторов, посетивших дом Швейцеров. Ничего не сказали женщины, вежливо промолчали. Жгучая боль пронзила сердце матери маленького Альберта. Она быстро унесла сына в другую комнату и разрыдалась. Как Рахиль, безутешно. Тогда она еще не знала, какого гения “принесла” в этот мир. Тогда она еще не осознавала, какого Великого Доктора готовит для “континента смерти”! Никто не знал, кроме всезнающего Господа. По воспоминаниям самого Швейцера, “молоко от коровы нашего соседа Леопольда и прекрасный воздух Гюнсбаха совершили чудо. С двух лет я начал крепнуть и скоро стал здоровым ребёнком”.

Пути и судьбы Господни для нас, смертных – неведомы и неисповедимы. От чрева матери предузнан был Швейцер для особой миссии – жить и служить в девственном лесу экваториальной Африки, “между водой и девственным лесом”. Пройдут годы, настанет время, когда некогда болезненный мальчик и застенчивый юноша – выйдет на служение и явится

«Я есть жизнь, которая хочет жить, я есть жизнь среди жизни, которая хочет жить... Тот путь, которым вошла в моё сердце заповедь, запрещающая нам убивать и мучить, стал величайшим переживанием моих детских лет и моей юности. Всё остальное рядом с ним поблекло... Благоговение перед жизнью не позволяет человеку пренебрегать интересами мира. Оно постоянно заставляет его принимать участие во всем, что совершается вокруг него, и чувствовать свою ответственность за это» (Альберт Швейцер).

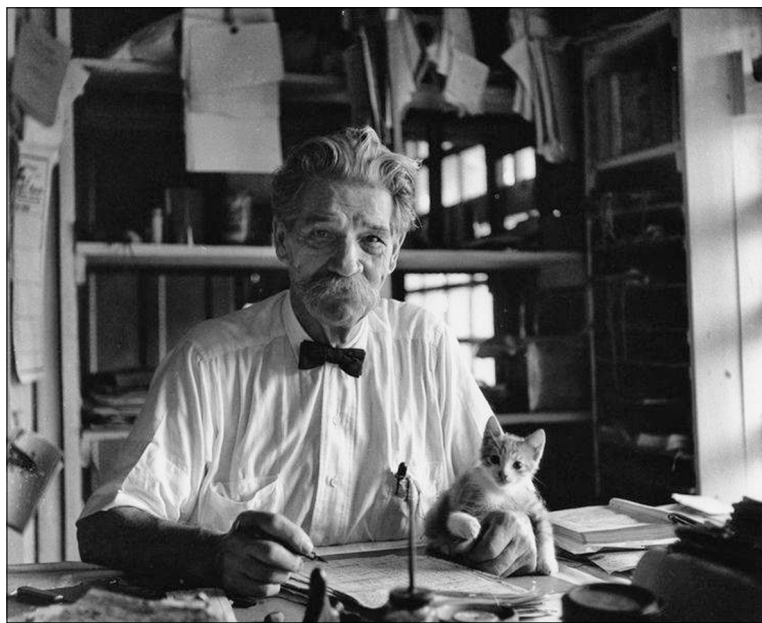
Нет, он не только великий ученый, талантливый музыкант, необычный философ, неформальный теолог, милосердный доктор, “тринадцатый апостол”, Нобелевский лауреат. Альберт Швейцер – человек не

миру. Он проживет почти целый век и станет вдохновителем “братства отмеченных болью”. Чающих утешения самых отверженных! Сын бедного эльзасского пастора сознательно отречется от мирской славы, известности и карьеры, он уверенно покинет зону комфорта, соберет все свои сбережения, “залезет в долги” и уплывет вместе с любимой женой далеко от родного дома — в зону боли, страданий и горя! Его не поймут друзья и близкие, его нарекут сумасшедшим, неистовым, странным. Без материнского одобрения и благословения он покинет европейский оазис и отправится в путь неизвестный. На африканской земле его и похоронят — рядом с женой, беззаветно его любившей и преданной их служению; рядом с дерегушкой и больницей для прокаженных, которую он построил на деньги, полученные за Нобелевскую премию.

Священник двигался по страницам жизни Альберта Швейцера. Человека не от нашей суеты, не от нашей самости. Из “братства отмеченных болью”. Сильной болью за всех страдающих. Священник анализировал свою жизнь, работу и служение. И в глубине души он уже понимал, что жить так дальше нельзя! Что он потерял нечто главное в своей жизни. Что его христианство хромает на оба колена, хилое и убогое. Что между полем его знания — теологического, и полем дел его практических — великая пропасть. Что ему нужны радикальные перемены в отношениях с Богом и ближними. Да и совесть подсказывала, что музыка его жизни нуждается в корректировке, что в ней слишком много диссонансов и фальшивых нот, что ему срочно необходимо пересмотреть приоритеты и ценности. «Многие из нас живут в перспективе только земной, временной жизни. Нередко мы существуем в суете и томлении духа, крутимся, как белка в колесе, в погоне за призрачными целями — обольщаясь славой, накопительством, временными удовольствиями, показной роскошью. От зари до зари работаем на «кредитную историю», на собственную репутацию. Современный «коммерческий Вавилон» всеми силами вовлекает нас в материализм, оцепенение материальными средствами. Сознание незаметно пропитывается идеями о преуспевании, благополучии, личном покое и благосостоянии. Мы наивно верим, что «светлое будущее» не за горами. И все информационные технологии работают на то, чтобы внушить нам эту утопическую идею» — так думал священник, двигаясь по страницам жизни Альберта Швейцера. Человека не от нашей суеты, не от нашей самости. Из “братства отмеченных болью”. Сильной болью за всех страдающих.

“Ещё до школы отец начал обучать меня игре на старом клавесине... Я немного играл по нотам. Но особую радость мне доставляли импровизации, а также песни и хоралы с самостоятельно найденным сопровождением... А когда я в первый раз услышал духовые инструменты, я почти потерял сознание... В один прекрасный октябрьский день отец впервые сунул мне под мышку грифельную доску и повёл к учительнице, а я проплакал всю дорогу. Я предчувствовал, что моим

Альберт Швейцер в своем рабочем кабинете, и как всегда, не один. Ламбарене, Габон, 1951 г.

мечтам и моей чудесной свободе пришёл конец... Я был тихим и мечтательным учеником, не без труда выучившимся чтению и письму (Альберт Швейцер).

В восемь лет маленький Альберт попросил у отца Новый Завет и начал его читать. В девять лет его перевели в “реальшколе” — реальную школу. Ходить приходилось одному, через горы, три километра. Закон Божий в реальной школе преподавал удивительный пастор Шеффер. “Я до сих пор помню, как он плакал, сидя за кафедрой, а мы всхлипывали за партами, когда Иосиф открылся своим братьям...” (Альберт Швейцер). Однажды, погоняя лошадь, маленький Альберт сильно ударил её хлыстом. Приехав домой, он заметил, как тяжело у неё вздымаются взмыленные бока, и как она устала. Сильно сожалел Альберт о своем ударе: “И что пользы в том, что я смотрел в её усталые глаза и молча молил о прощении?” Такое уж было у него сердце! Благоговеющее перед жизнью, перед всякой жизнью! Сердце Альберта Швейцера. Человека не от нашей суеты, не от нашей самости. Из “братства отмеченных болью”. Сильной болью за всех страдающих.

Священник двигался по страницам жизни Альберта Швейцера. Не только для богомыслия — для души своей оглохшей, для прозрения и исцеления сердца ослепшего/окамененного писал он уже, как исповедь. “Почему ты плачешь?” — жена заметила на его глазах слезы... необычно-светлые слезы. Дождь пробуждения орошал черствую душу пастыря. Сильный небесный дождь! О себе плакал священник, о народе своем, о церкви своей восскорбел безутешно. И писал... почти сердца крик — для души утомленной суетной религиозностью, поверхностным христианством, и приземленной верой.

«Я единственный человек на сотни миль вокруг, который может помочь ему...»

«О физических страданиях, живущих в девственном лесу туземцев, я читал и слышал от миссионеров... Мне представилось, что в притче о богатом и о нищем Лазаре речь идет именно о нас. Мы и есть тот богатый, ибо развитие медицины наделило нас обширными знаниями о болезнях и многими средствами против боли. Неизмеримые преимущества, которые дает нам это богатство, мы принимаем как нечто само собой разумеющееся. А где-то в далеких колониях обретается нищий Лазарь – цветные народы, которые подвержены недугам и боли так же, как и мы, и даже еще в большей степени, и у которых нет никаких средств с ними бороться. Как богатый от недомыслия своего согрешил перед бедным, который лежал у его ворот, ибо не поставил себя на его место и не захотел послушаться голоса сердца, так же грешим и мы... Под влиянием этих мыслей я и решил, когда мне было уже тридцать лет, изучить медицину и поехать туда, чтобы проверить мои убеждения на деле» (Альберт Швейцер).

Священник двигался по страницам жизни Альберта Швейцера – человека с огромной интеллектуальной совестью, человека не от нашей суеты. Из «братства отмеченных болью». Сильной болью за всех страдающих. И ему становилось стыдно, больно и совестно – и за себя, и за его христианство. Дождь пробуждения орошал его черствую душу. Сильный небесный дождь! И рыдала душа и плакала!

Пойдите «в народ», и вы услышите сонм голосов, вопрошающих: Есть ли у нас будущее? Отчего так тоскливо живется в наши смутные, безверные дни? Отчего ностальгия порой находит даже на самых сильных и зрелых? Отчего внутренний раскол, дисгармония души поражают современного человека? Чего ему не хватает? Учения? Веры? Что будет с нашими детьми? Игромания, наркомания, сексомания, суицидомания... Что проис-

ходит с обществом? «Не оттого ли всё это происходит, что мы все дальше и дальше не просто уходим, а улетаем от Источника Жизни? Не оттого ли, что мы все больше и больше внутренне, духовно сиротеем, надеясь на себя и собственные силы, свою духовность и религиозные программы? И водительство Свыше для нас – чисто теоретическое, на уровне провозглашений? Но излученные нами акустические волны быстро затухают, в них нет духа жизни. И богословие наше – только лишь кабинетное. И духовность – абстрактная, бесплодная, мертвая! В реалиях жизни – пустота, неудовлетворенность и горечь, даже при материальном благополучии и «стечении народа». Ведь душа без Бога – сирота. Наша достаточность – только в Нем! Без Христа, без Отца, без Духа – и церковь сирота. Без присутствия и действия Его Святого Духа церковь превращается в бюрократический институт, бизнес-структуру, пыльный музей, клуб по интересам. Запраздновались, запоздравлялись, зафотографировались, законцертились, засобранились, запроповедовались, запелись, заигрались, замолились, заслушались, засмотрелись, засиделись. А Христос говорит – идите, лечите, посетите, оденьте, накормите! Исцели Господи души, семьи и церкви наши от суеты ярко-шумной, почти театральной, развлекательной, карнавальной, неспасающей! Излечи наш дух уже почти мертвый от нарциссизма, селфизма, эгоизма, подаркоизма и прочего пустоизма!

Исцели нас, Господи, исцели, исцели, исцели! Не покидай нас, Господи!» – слезно молился священник, двигаясь по страницам жизни Альберта Швейцера. Человека не от нашей суеты, не от нашей самости. Из “братства отмеченных болью”. Сильной болью за всех страдающих. Дождь пробуждения орошал его черствую душу. Сильный небесный дождь!

Долго искал Швейцер “исторического Иисуса”. И, наконец, он пробился, прорвался к Нему. Истинному Спасителю и Учителю! “Иисус Неизвестный” (по Мережковскому) был вновь явлен миру... бескорыстным служением Великого Доктора! Во всех смыслах врача и доктора! Свою книгу о поисках “исторического Иисуса” Швейцер заканчивает знаменательными словами:

«Он приходит к нам Неведомый, как пришел Он некогда на берег озера к людям, не знавшим Его. Он говорит и нам: “Следуй за Мной!” и ставит перед нами задачи, соответствующие нашему времени. Он зовет. И тем, кто повинуется Ему – мудрецам и простым людям, – Он открывает Себя в труде, в борьбе, в страданиях, через которые Он ведет Своих учеников; и на собственном опыте, как невыразимую тайну, они постигают, Кто Он».

Невыразимая тайна Христа – невыразимая тайна служения. Служения Другим, дальним и ближним; служения бескорыстного, исцеляющего, крестного, спасающего. Французский философ Эмануэль Левинас писал о важности “встречи с Другим”. “Другой” – это ближний, сирота, вдова,

пришелец, сосед, отчаявшийся, отверженный, падший. “Другой” — это тот, за кого мы принимаем ответственность, к кому мы проявляем сострадание и милосердие. “Другой” — это тот, “кто взывает к своей защите одним своим существованием”. Наша сила теперь проявляется в той заботе и ответственности, которую мы берем на себя при встрече с Другим. “На моих плечах словно держится все здание тварного мира”, — пишет Левинас. Эгоцентричный человек противится такому образу жизни — для него странному, противоестественному. Но Иисус Христос показал нам идеальный пример самоотверженной жизни ради других. Жизни, обреченной на невзаимность. Как поется в одной старой песне: “В ужасные топи унынья / В ущелья, где смертная тень / Спускается Он и донья!”. Это и есть духовная литургия. Греческий термин литургия обозначает “несение службы”, причем совершенно бесплатно, без расчета и выгоды, растрату себя ради другого. Более того, настоящая литургия — это жертвенная отдача себя, собственных средств, возможно, всей жизни — другому! Такая литургия — дефицит нашего времени. Такую литургию совершал Альберт Швейцер. Человека не от нашей суеты, не от нашей самости. Из “братства отмеченных болью”. Сильной болью за всех страдающих. Он оперировал даже обезьян и антилоп, — всех, кто в этом нуждался. Всех! Такое уж было у него сердце. Сердце Великого Доктора.

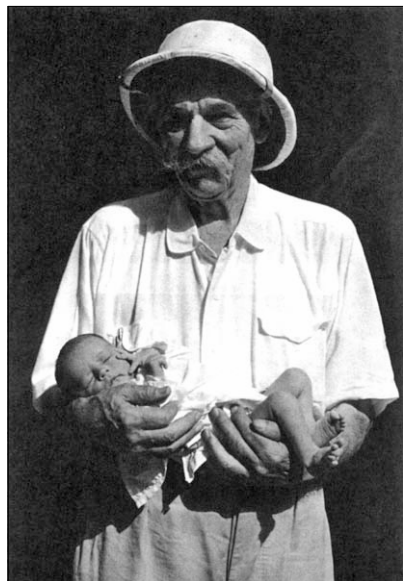
«В одно прекрасное летнее утро в Гюнсбахе, на Троицу (это было в 1896 году) я проснулся с мыслью, что не должен принимать доставшее мне счастье как нечто само собой разумеющееся, но обязан отдать что-то взамен. Продолжая неторопливо обдумывать эту мысль в постели под щебетание птиц за окном, я решил, что смогу считать свою жизнь оправданной, если буду жить для науки и искусства до тридцатилетнего возраста, чтобы после этого посвятить себя непосредственному служению людям. Много раз до этого я пытался понять, что означают для меня лично слова Иисуса: “Кто хочет жизнь свою сберечь, тот потеряет её, а кто потеряет свою жизнь ради Меня и Евангелия, тот сбережёт её”. Теперь ответ был найден. В дополнение к внешнему, у меня было теперь и внутреннее счастье. Каков будет характер моей будущей деятельности — этого я ещё не мог сказать. Это подскажут обстоятельства. Несомненным было только одно: это должно быть непосредственное служение людям, пусть даже незаметное и не бросающееся в глаза» (Альберт Швейцер).

Священник двигался по страницам жизни Альберта Швейцера. Дождь пробуждения орошал его засохшую душу. Сильный небесный дождь! И ему казалось, что весь мир должен пробудиться и измениться от свидетельства/жизни Старого Доктора! Но только Небо внимало его чистым грезам...

Печатью тайного страдания была отмечена жизнь Альберта Швейцера. Ему было дано видеть то, что было сокрыто от глаз суетных. Не умом он

познал Христа Спасителя. Целым сердцем за Ним последовал! «О чем мы думаем, когда смотрим на свои материальные ресурсы и духовные капиталы? Жертвуя всеми своими финансами и рискуя жизнью, Швейцер лечил и спасал людей от физической смерти и гибели в далекой Африке. Он совершил подвиг любви Христовой не на словах, на деле. “Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых”, — писал Павел христианам Коринфа (1 Кор. 9:22). “...Великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти...” — это в письме церкви, находившейся в Риме (Римл. 9:1-5). Альберт лечил и спасал — не родных, далеких... Мы же искусственно раздробили жизнь на мирскую и церковную, личную и семейную, рабочую и... прочую. А ведь жизнь — это все вместе, это каждое мгновение. И каждый миг нашей цельной жизни — должен сиять пред людьми и пред Богом! Не только в церкви, но и в радостях и печалях наших, в приобретениях и потерях, в домах наших и на работе. Но как же избавиться нам от пустых и выветрившихся слов и теорий? От уже давно обессиленных и бесполезных форм и ритуалов? Как приобщить и себя и детей наших к плодотворной жизни в Боге? Кто остановит смертельный процесс отступления? Братство отмеченных болью! Крестной болью Христа Распятого! На челах их особый знак — начертание Божие!» — так думал священник, двигаясь по страницам жизни Альберта Швейцера. Человека не от нашей суеты, не от нашей самости. Из “братства отмеченных болью”. Сильной болью за всех страдающих.

«Этика начинается там, где кончаются разговоры... Я хотел бы стать врачом, чтобы действовать без каких-либо речей. Годами я выражал себя в словах. С радостью практиковал я профессию преподавателя теологии и проповедника. Но новое дело я не мог представить себе, как речи о религии любви, а только как её несомненное осуществление... Как описать мои чувства, когда такого страдальца привозят ко мне! Я ведь единственный человек, который на сотни километров вокруг может помочь ему... Я кладу несчастному, оглашающему воздух стонами, руку на лоб и говорю ему: “Успокойся. Через час ты уснешь, и когда ты проснешься снова, тебе больше не будет больно”... Я вызываю к себе в больницу жену... Она же дает больному наркоз... Операция закончена. В полумраке стационара наблюдаю я за пробуждением моего пациента. Едва только он приходит в себя, как он в изумлении кричит, снова и снова повторяя: “У меня больше ничего не болит, у меня ничего не болит!”. Рука его нащупывает мою и не отпускает ее. Тогда я говорю ему и тем, кто рядом, что это Господь наш Иисус попросил доктора и его жену приехать сюда в Огове и что наши белые друзья в Европе дали нам денег на то, чтобы жить здесь и лечить больных!» (Альберт Швейцер).

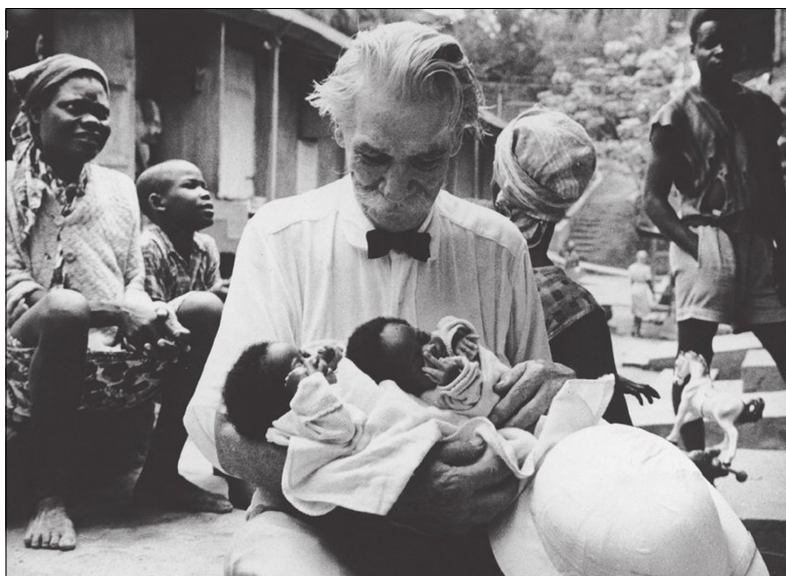
Акушер Альберт Швейцер.
*«Этика начинается там,
 где кончаются разговоры...»*

Священник двигался по страницам жизни Альберта Швейцера. “Почему ты плачешь?” – жена заметила на его глазах слезы... необычно-светлые слезы...

Перечитывая Швейцера, священник окунаясь в прошлое, размышлял о путях христианства, думал о судьбе церкви невидимой, ведомой одному Богу. Читал священник, а пред взором его предстала духовно расслабленная церковь и почти умирающая цивилизация. Вчитываясь в удивительно живые строки, он внутренне вздыхал, о славе прежнего храма тосковала душа его. Хоть и невзрачным был храм тот внешне, хоть и гонимой была церковь его тогда – зато неиссякаемым источником света освещала мир; кристально светлые, неспособные на измену, верно-чистые души заполняли ее невидимые пространства. Плодотворным

было его браство! Сейчас же, градус нравственного состояния церкви неуклонно падал, а общество скатывалось в глубокую пропасть бездуховности. Главные христианские добродетели отходили на задний план, житейское же благополучие и комфорт, материальные ценности, внешний успех – набирали силу. По выражению Николая Бердяева, христианство становилось «дряхлым и ветхим». Потому и рыдал священник...

Смутные, темные времена отступничества в истории были всегда. Так, в период правления судей моральный уровень народа израильского был настолько низок, что даже те, от которых ожидалось лучшее, открыто грешили, отвращая простой народ от поклонения Господу. Несвятое смешение и раздвоение царили в народе: люди поклонялись Богу, потому что боялись Его суда, и одновременно служили маммоне – богам комфорта, материальных ценностей и удовольствий. Отвратительно-предательским был в очах Господа грех Офни и Финееса, сынов священника Илия, и «Господь решил уже предать их смерти» (1 Цар. 2:25). И когда жена Финееса услышала о трагической смерти мужа своего (во время родов), она назвала только что родившегося сына «Ихавод», сказав: «Отошла слава от Израиля» (1 Цар. 4:21). «Отходит слава от церкви нашей, авторитет Божественный теряем мы, политически корректно и толерантно в мире сем растворяемся, на оба колена хромаем...», – как эхо пронеслось в сознании священника, и только от одной этой фразы его душе становилось мучительно больно. Ведь в борьбе за мнимые свободы, за демократию христиане перешли грань дозволенного Богом, и начался процесс мутации моральных ценностей христианства, в самой его сердцевине произошло разделение, и девальвация нравственных

«Блаженны
благоговейшие
перед жизнью»
(А. Швейцер).

принципов захлестнула культуру постмодернизма. Не покидай нас, Господи!» – так думал священник, двигаясь по страницам жизни Альберта Швейцера. Человека не от нашей суеты, не от нашей самости. Из “братства отмеченных болью”. Сильной болью за всех страдающих.

“Больные появляются у моей двери во всякое время дня... Я очень огорчился, что у меня нет помещения для осмотра и лечения больных... Поначалу я стал принимать больных и делать перевязки перед домом на свежем воздухе. Когда же разражалась вечерняя гроза, приходилось все поспешно переносить снова на веренду. Вести прием больных на солнцепеке было очень изнурительно... Ничего не подделать, пришлось устроить больницу в помещении, где у жившего в этом доме передо мной миссионера Мореля был курятник... Я чувствовал себя на вершине счастья... Какое это было блаженство, когда в первый раз по крыше застучал дождь и невероятное стало явью – я мог спокойно продолжать свои перевязки!” (Альберт Швейцер).

Читал священник... и думал думу свою печальную. О церкви своей несовершенной, о пошатнувшемся авторитете общества христианского тревожился, о соблазнах и отступлениях от принципов чести думал он, утешения народа своего духовно опустошенного чаял. Ведь в самую подпочву спущены мутные потоки безверия, горькие воды либерального христианства грозят размыть основание церкви его. Не покидай нас, Господи! Слезно взмолился священник, двигаясь по страницам жизни Альберта Швейцера. Человека не от нашей суеты, не от нашей самости. Из “братства отмеченных болью”. Сильной болью за всех страдающих.

“В среднем мне приходится принимать каждый день от тридцати до сорока больных. Главным образом это различного рода кожные заболевания, малярия, сонная болезнь, проказа, элифантиазис, болезни

Повседневная жизнь старого доктора из Ламбарене.

сердца, суставов и тропическая дизентерия... В жаркое время года работать в курятнике нет никакой возможности... Заботит меня также и то, что у меня почти не осталось медикаментов. Пациентов оказалось значительно больше, чем я мог ожидать... Но что значат все эти преходящие неприятности в сравнении с радостью, которую приносит работа в этих местах и возможность помогать людям! Пусть средства пока еще весьма ограничены — добиваюсь я ими многого. Уже во имя одной только радости видеть, как люди с гнойными язвами наконец перевязаны чистыми бинтами и не должны больше шагать израненными ногами по грязи, во имя одной этой радости стоило бы работать здесь! ...Нередко случается, что нога представляет собой одну сплошную рану, в которой отдельными островками белеют кости и сухожилия... Боли нестерпимы. Запах настолько отвратителен, что окружающие не в состоянии его выдержать... Но зато какая это радость, когда он, пусть даже хромя, потому что больная нога оказывается скрюченной от шрамов, но такой счастливый, избавившись от боли и от мерзкого запаха, садится в каноэ, чтобы ехать домой!" (Альберт Швейцер).

Читал священник... он сравнивал современное приземленно-мелочное, расслабленное христианство с братством отмеченных болью, с облаком свидетелей Христовых, «которых весь мир не был достоин» (Евр. 11:38), но которые скитались по пустыням и горам, прошли сквозь горнило испытаний и не отреклись от веры своей, «иные же замучены были». «Что же происходит с нашим поколением? Почему мы так легко продаемся, изменяя вере нашей священной? Долго ли нам хромать на оба колена? Помилуй нас, Господи, спаси и помилуй народ наш... Умножь, Господи, число воинов Твоих духовных, способных вести духовную брань против

страстей мира сего порочного, против “духов злобы” сражаться во всеоружии Твоем и во имя Твое, Господи, пойти и “смыть позор с лица Христа”, возможно, ценой своего комфорта и благополучия, пусть даже ценой самой жизни своей, Господи...», — перевернулось сердце священника, и возгорелась вся жалость его к народу...

“Много у меня работы и с прокаженными... О том, чтобы изолировать прокаженных, и думать не приходится. У меня в больнице среди прочих больных иногда находится четверо или пятеро прокаженных... Здоровье наше не блестяще, однако нельзя сказать, что оно совсем плохо. Налицо, правда, тропическая анемия. Проявляется она в быстрой утомляемости. Достаточно мне подняться из больницы на холм, где расположен мой дом, как я уже совершенно выбиваюсь из сил... Мы замечаем в себе также и ту необыкновенную нервозность, которая обычно сопровождает тропическую анемию. Вдобавок и зубы у нас в плохом состоянии... Зубная боль в девственном лесу... Уже несколько недель, как сам я из врача превратился в пациента. Еще во время моего первого пребывания здесь у меня были язвы стопы, которые потом хорошо зарубцевались; теперь же на строительстве мне несколько раз случалось ушибить ногу, и в результате новых травм язвы мои опять открылись и причиняют мне много неприятностей. Прихрамываю, но продолжаю ходить. Когда мне становится совсем плохо, меня укладывают в больницу.... Хуже всего при таких язвах стопы это нервное возбуждение, вызванное затяжной жгучею болью” (Альберт Швейцер).

Читал священник... рыдал священник. Финансовая непрозрачность, нечистоплотность некоторых церквей, миссионеров/миссий, лидеров “служений” и даже фондов милосердия – дух Гиезия в теле церкви. Стыдно. Больно. Болезнь сребролюбия – древняя, смертельная, Иудина, адская. Она разрушительна и убийственна – корень всех зол, скандалов, поношений, разрушений и даже смертей. Трагедия Гиезия – не только личная. Проказа на все поколения! Финансы являются очень “тонкой” материей. Финансовая прозрачность/открытость/чистоплотность – всегда вызывает искреннее уважение и доверие. К сожалению, часть благотворительных фондов/миссий/церквей/священников/учителей – уже давно потеряла свою честь и репутацию именно из-за финансовой непрозрачности.

Грустно/печально, но факт – многие христианские “звезды” пошли “по следам Валаама”, возлюбив “мзду неправедную”. “Духовные” карьеристы-нарциссы беззастенчиво соревнуются друг с другом за известность в своих “служениях”. Сражаются за сферы влияния. Наряду с посвященными священниками и миссионерами, достойными уважения, поддержки и чести (1Тим. 5:17) – существует “элитарная” каста “тружеников”, которые открывают свои “служения”, больше похожие на шоу-бизнес. Скромные и смиренные труженики – в тени, неизвестны миру, но рабо-

В деревне для прокажённых Швейцера обучал детей туземцев французскому языку.

тают во имя Господа, по силам и сверхсил! Все финасовые потоки “контролируют” раскрученные масс медиа пастора/“звезды”. Псевдодуховные “артисты” научились рассказывать/показывать о себе и о “своих” служениях “духовные”, героические истории/легенды – во имя... “великих” финансовых сборов. Это люди “поврежденного ума”, “они прельщают неутвержденные души”, уловляют наивных и простодушных красноречивыми/льстивыми словами, историями, сюжетами, свидетельствами, и даже шоу! И все под благочестивыми идеями, проектами, ”прорывами”, предложениями. А в глазах – серебро и деньги. И ещё слава, амбиции плоти. Деньги/славу – себе. Сироте – интервью. Благочестие – для прибытка. Ставка на милосердие? Игра на мягких сердцах и душах? Серебро – в погибель! Через финансованию – путь истины в позоре, унижении и поношении.

Дошло до того, что спекулируют даже на искренности, милосердии, сострадании; на вдовах и сиротах. И даже на идее “Святой Земли”/паломничестве/турах/ – делают свой успех и бизнес. Думающие, мыслящие, искренние, бескорыстные христиане – финансовую фальшь и нечестность чувствуют духом/сердцем. Но их меньшинство. Большинство поддается внушению, манипуляциям и прочего рода сентиментальной “промывке” сознания. В результате, пренебрежение финансовой честностью/прозрачностью и подотчётностью привело к тому, что движение денежных потоков у некоторых организаций/миссий/лиц – “тайна за семью печатями”. Мутная пена финансовой грязи грозит захлестнуть и погубить все ростки благородных стремлений даже самых искренних. Финал Иуды – трагичен. Дух Гиезия – проказа наследственная. Стыдно. Больно» – так думал священник, двигаясь по страницам жизни Альберта Швейцера. Человека не от нашей суеты, не от нашей самости. Из “братства отмеченных болью”. Сильной болью за всех страдающих.

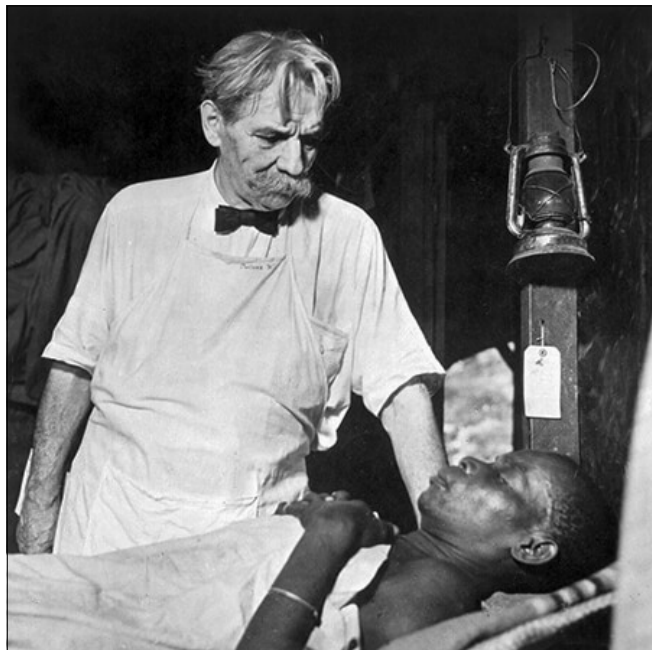
...Быть простым
и добрым.
Работать самому
и думать самому.
Ламбарене,
Французская
Экваториальная
Африка (Габон)

“Самая трудная проблема, возникающая в связи с христианской миссией, — то обстоятельство, что она внешне предстает в двух ипостасях: как церковь католическая и протестантская. Насколько выше было бы все творимое именем Христа, если бы различия этого не существовало вовсе и обе церкви не соперничали бы друг с другом!”
(Альберт Швейцер).

Швейцер коснулся болевой точки христианства. Духа первенства и соперничества. Разделена современная Церковь. От благодати отпадает стремительно. “Иным духом” обольщается и заражается. И не знает “какого духа”. Без Христа остаются политизированные карьеристы, национализированные и почти уже “военнизированные” ектесии. Перестают быть светом. Перестают быть солью и совестью общества. Не Святым, своим духом водятся. По плоти воинствуют. И вновь, как и прежде, Христа распинают несмысленно.

Процветает церковная политика. Во всей “красе” своей, во всем “блеске”, как и прежде, при многолюдных/массовых стечениях народа, “на праздниках” — закваска сия древняя проявляется. И... как и прежде, отторгает Тело Христово закваску сию фарисейскую, саддукейскую и иродову. Хоть и сильно искусно завуалирована/замаскирована закваска сия нечистая, псевдорелигиозная/лицемерная/политическая, хоть и в образе светлом/“ангельском” она миру является. Но отвергает ее всецело Церковь Христова, не принимают ее братья и сестры Храма Христа Спасителя. Хоть и старая закваска сия, и все еще по-змеиному хитрая/лукавая/порочная. Хоть и страшно живучая/заразная/активная закваска сия мерзкая — побеждают ее святые и избранные, и изгоняют ее за пределы Церкви Христа Спасителя. Знают души смиренные/кроткие/к Богу близкие, хоть и малая закваска сия, хоть и еле видима, для души и духа она ядови-

«Я постоянно находился в тревоге за тяжелых больных. И напрасно старался я выработать в себе спокойствие характера» (А. Швейцер).
 (Фото The Granger Collection-TACC).

тая, для ума и сердца церковного – смертельно убийственна. И потому да будет анафема – закваске сей, фарисейской, саддукейской и иродовой.

Поражено политикозом церковное общество, изнутри расколото религиозно-политическими противоречиями, разогрето и разделено амбициозными/одиозными черно-белыми и прочими мировоззрениями и даже богословами-пророками. Шумящие политические страсти, истощающие душу информационные войны, провокационно-воинственные заявления/оскорбления и даже “духовные” угрозы/проклятия – предельно накаляют и так взрывоопасную атмосферу христианского мира. Политикоз незаметно переходит в политоманию, увлекающую души азартным “политическим” духом и борьбой против “крови и плоти”. Церковь лишается духа Христова, отвлекается от Главного, от проповеди Евангелия и от настоящего служения людям.

«Что воспринимает обитатель девственного леса в христианстве и как он его понимает? ... Христианство для него – это свет, который озаряет его полную страхов тьму. Оно убеждает его, что духи природы, духи предков и фетиши не властны над ним, что ни один человек не обладает зловещей силой, могущей подчинить другого, и что всем, что совершается в мире, управляет Божья воля... Таким образом, через учение Христа туземец обретает как бы двойное освобождение: мировоззрение его из исполненного страхов превращается в свободное от страха и из безнравственного становится нравственным. Никогда я так не ощущал живительную силу воздействия мысли Иисуса, как в большом школьном зале в Ламбарене, помещении, служащем также церковью... Надо жить среди туземцев, чтобы по-

нять, как это много значит, когда один из них, сделавшись христианином, отказывается от мести, которую ему надлежит учинить, или даже от кровной мести, к которой его принуждают обычаи страны!» (Альберт Швейцер).

«Теперь туземцам пришлось уже почувствовать на себе, что такое война. Стенания женщин оглашали воздух. Дымок парохода скрылся вдали. Толпа рассеялась. У самой набережной на камне сидела и беззвучно плакала старуха, у которой забрали сына. Я взял ее за руку: мне хотелось сказать ей какие-то слова утешения. Она продолжала плакать и, казалось, не слышала того, что я говорил. И вдруг я почувствовал, что в этих закатных лучах плачу сам — беззвучно, как и она». (Альберт Швейцер).

Он плакал с плачущими, и радовался с радующимися. Он уподобился Христу. Современный же человек запутался в хаосе плотской жизни. «Духовный Вавилон» опьянил его, сделал нетрезвым. Многие души блуждают во тьме, в лабиринтах жизни, не видя выхода, не видя просвета. Многие увлечены «прелестями» греховного, развращенного мира. Многие уже давно перегрузили свою жизнь в виртуальные миры интернета. Им только кажется, что это их пространство. На самом же деле «черные дыры» всемирной паутины давно поглотили и запрограммировали часть современного общества на свой стиль жизни, на свою «ориентацию», повредив ум, опустошив душу, заразив информацией, которая необратимо изменяет личность человека, в особенности детей.

Духи обольщения пытаются увлечь даже христиан «по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2:8), духовно опьянить и связать человеческую душу, ввести в зависимость — от яркого образа, звука и прикосновения, превратить попечение о плоти в похоть и порочную страсть. Нас целенаправленно отвлекают от главного и от реальной жизни. Мы так заняты, что и дышать-то некогда! Нет времени думать о вечности, некогда поднять голову к небесам, наслаждаясь гармонией Вселенной, некогда заглянуть в глаза своим детям, любимым... Порадоваться или поплакать вместе с ними. Некогда посетить больного, накормить голодного, одеть нагого... Вечная спешка и суета... Нередко даже в церквях так много шума и «программ», что мы не можем уловить главного — «что дух говорит Церквам» (Откр. 2:7). Не покидай нас, Господи! Так думал священник, двигаясь по страницам жизни Альберта Швейцера. Человека не от нашей суеты, не от нашей самости. Из «братства отмеченных болью». Сильной болью за всех страдающих. Дождь пробуждения орошал его засохшую душу. Сильный небесный дождь!

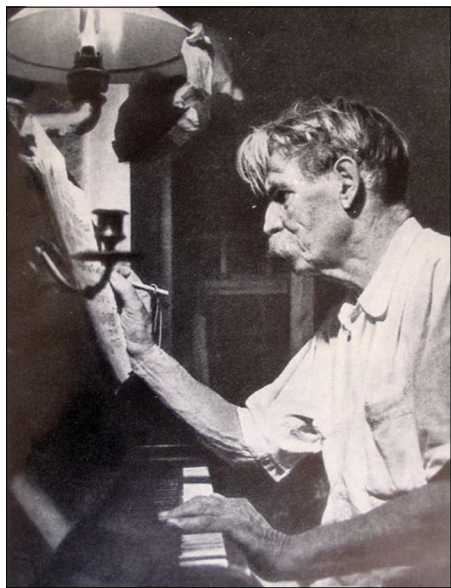
«Муки, которые людям приходится здесь испытывать, поистине неимоверны. Имеем ли Мы право закрывать на это глаза и проходить мимо них... День ото дня тысячам тысяч людей приходится терпеть ужасающую боль, от которой врачебное искусство их могло бы избавить. День ото дня в стенах множества далеких хижин вла-

ствует отчаяние, которое мы могли бы оттуда изгнать. Пусть же каждый из нас представит себе, во что превратилась бы жизнь его семьи, хотя бы за истекшие десять лет, если бы ей пришлось все это время обходиться без помощи врачей! Пора нам пробудиться от сна и увидеть, как велика наша ответственность. Когда я смотрю на избавление от страданий больных в этом далеком краю как на задачу всей моей жизни, я исхожу из чувства милосердия, к которому призывает Иисус Христос...” (Альберт Швейцер).

Как же прав Швейцер! Пора и нам пробудиться от сна и увидеть, как велика наша ответственность перед Господом! Христианское служение/паломничество на земле – трудное и непредсказуемое. Никто не гарантирует нам уюта и безопасности, никто не избавляет от реальности этого мира – болезней, страданий и смерти, несправедливости и голода. Но нас утешает сознание того, что мы на этом пути не одиноки. Не сироты. Мысль об «облаке свидетелей», оказавшихся верными до конца, до смерти, ободряет нас. Они – в вечности, со Христом. Мы – на земле – тоже со Христом! Ибо Он сказал: «Не оставлю вас сиротами» (Иоан. 14:18); «...Я с вами, во все дни, до скончания века» (Матф. 28:20). Мы идем по следам Христа! И служим как Он, до смерти и смерти крестной!

Читая Евангелие, мы узнаем, что такое настоящая Жизнь. Мы узнаем, где найти настоящий Путь, Истину и как не потерять смысл жизни в перспективе вечности! Созерцание перспективы вечности не даёт потонуть в мелочах повседневной жизни, омуте развлечений, особенно в греховных мелочах. Страх Божий помогает избегать греха, отказываясь, воздерживаясь ради вечности от многого. Бог призывает Своих избранных оставить мирской стиль и образ жизни; оставить развращенное общество, ибо оно будет уничтожено. «И услышал я иной голос с неба, говорящий: Выйди от нее, народ мой, чтобы не участвовать вам в грехах ее и не подвергнуться язвам ее; ибо грехи ее дошли до неба...» (Откр. 18:4). Круг моего общения... О чем я говорю больше всего? О чем думаю больше всего, чем озабочен? Что влечет меня и куда влечет? Кто меня влечет? Бог призывает Свой народ стремиться к горнему и не прилепляться ко греху.

“Братский союз тех, кто сам отмечен печатью страдания. Кто же эти братья? Те, кто испытал на себе, что такое страх и физическое страдание, сплочены воедино во всем мире. Между ними существует некая незримая связь... Пусть не говорят: “Если братство людей, испытавших боль, пошлет туда-то одного врача, туда-то другого, то что это значит в сравнении с бедствиями, которые терпит весь мир?” Не есть ли это некий обращенный к нам зов... я не падаю духом. Чужое страдание, которое я видел, придает мне силу, а вера в человека наполняет меня мужеством. Хочется верить, что найдется достаточно людей, которые, избавившись от физических страданий, из одного только чувства благодарности откликнутся на

За клавинорганом после дневных трудов.

ется ропот. Одною мужчину с долго не заживающими язвами, на лечение которого я потратил много времени и труда, родные увозят домой. Двое других следуют его примеру. Такое мне приходится переживать уже не впервые; но я твердо стою на своем. Больница моя существует для тех, кто страждет. Если я не в состоянии спасти больного от смерти, то я могу согреть его любовью и этим, может быть, облегчить ему наступление смертного часа. Так пусть же и впредь по ночам мне подбрасывают этих несчастных... Как счастлив я также, что могу купить для моих больных достаточное количество риса... Нам предстоит тяжелая работа. Если бы только наши европейские друзья могли знать, что мы исполняем ее с радостью, как это и нужно, как того требует дело! Если бы они могли также знать, как глубоко мы признательны им за то, что они так поняли наши нужды, и за всю ту помощь, которую они так трогательно нам оказали! Исполненные доверия к ним, набираемся мы сейчас мужества и решаемся предпринять все необходимое для того, чтобы по-настоящему победить в этой несчастной стране страдание и горе". (Альберт Швейцер).

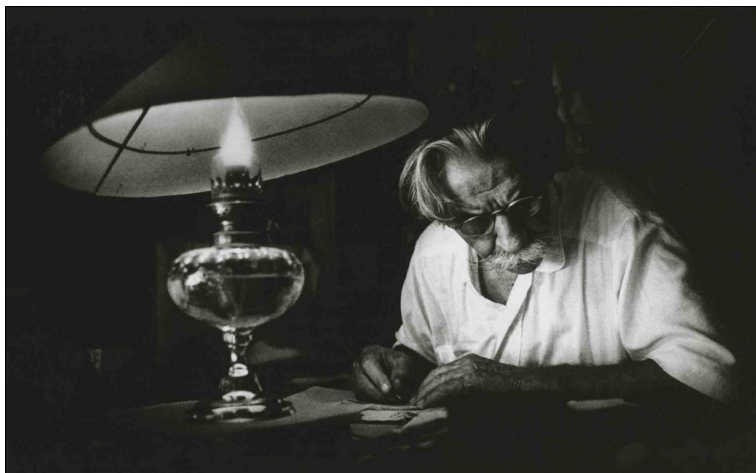
Священник двигался по страницам жизни Альберта Швейцера. Человека не от нашей суеты, не от нашей самости. Из "братства отмеченных болью". Сильной болью за всех страдающих. Дождь пробуждения орошал его засохшую душу. Сильный небесный дождь!

"По-прежнему в больнице подолгу живут грудные младенцы, оставшиеся без матери, и мы вскармливаем их швейцарским альпийским молочком. Одно из этих несчастных созданий доставили к нам

призыв помочь тем, кто страждет еще и теперь... Хочется надеяться, что скоро в мире будет больше нас, врачей, которые из братских чувств к несчастным страдальцам ринутся им на помощь во все концы света..." (Альберт Швейцер).

Священник двигался по страницам жизни Альберта Швейцера. Человека не от нашей суеты, не от нашей самости. Из "братства отмеченных болью". Сильной болью за всех страдающих. Дождь пробуждения орошал его засохшую душу. Сильный небесный дождь!

"Трое таких подброшенных нам несчастных умирают один за другим. По этому поводу в больнице поднимается

После дождя и до предела заполненного заботами трудового дня, продолжается работа над рукописями и ответами на многочисленные письма.

две недели назад — крошечный скелет, обтянутый кожей. Целую неделю ребенок не получал ни капли пищи. Мы осторожно приступили к его кормлению мельчайшими порциями сильно разбавленного молока. Теперь наш Лазарь — мы нарекли этим именем крошечное существо, можно сказать, восставшее из гроба, — как будто медленно поправляется». (Альберт Швейцер).

Священник двигался по страницам жизни Альберта Швейцера. Человека не от нашей суеты, не от нашей самости. Из “братства отмеченных болью”. Сильной болью за всех страдающих. Дождь пробуждения орошал его засохшую душу. Сильный небесный дождь!

Ночные джунгли... Он устает безумно... Но играет, играет Баха! И он слышит скрытые Смыслы. Он видит сиянье Вечности. Полифония Баха — бессмертна. Духовна, Христова, Божья! В ней тайна служенья Швейцера. “Проходя мимо хижины доктора Швейцера, я услышал звуки токкаты Баха. Я подошёл поближе и несколько минут стоял перед зарешеченным окном, на фоне которого в тусклом свете лампы был виден силуэт доктора, сидящего за пианино... Его руки, с огромными чуткими пальцами, которые одинаково ловко зашивали рану, чинили крышу, играли Баха на органе... Даже если бы я был в самом большом соборе мира, я не получил бы такого великого утешения, как здесь, в глубине Африки, вслушиваясь в игру Швейцера” — история оставила нам сильные свидетельства паломников в глухие места Экваториальной Африки.

История сохранила для нас хроники о Великом Докторе, Альберта Швейцере. Священник двигался по страницам жизни Альберта Швейцера. Человека не от нашей суеты, не от нашей самости. Из “братства отмеченных болью”. Сильной болью за всех страдающих. “Почему ты плачешь?” — жена заметила на его глазах слезы... необычно-светлые слезы... Дождь пробуждения орошал его черствую душу. Сильный небесный дождь!